

В.И. Тюпа

© Тюпа В.И., 2021

БАХТИН И НАРРАТОЛОГИЯ

Аннотация. Работа посвящена выяснению отмечавшейся Полем Рикёром значимости интеллектуального наследия Бахтина для нарратологии. В частности, рассмотрены: бахтинские трактовки события и сознания в отношении к современному пониманию нарративности как формирования и ретрансляции событийного опыта, а также положение Бахтина о двоякой событийности нарратива; бахтинская концепция авторства («первичный» и «вторичный» авторы) в отношении к современной аксиоме диссоциации фигур автора и нарратора; «металингвистика» позднего Бахтина в отношении к современным исследованиям в области вербализации наррации. Отмечается значимость бахтинской теории поступка для осмысления категории нарративного этоса. Подчеркивается актуальность бахтинского вклада в историческую поэтику для реализации инновационного проекта исторической нарратологии.

Ключевые слова: нарратив; событие; автор; нарратор; вербализация наррации; нарративный этос; историческая нарратология.

Получено: 20.08.2021

Принято к печати: 12.09.2021

Информация об авторе: *Тюпа* Валерий Игоревич, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, 125993, Москва, Россия.

E-mail: v.tiupa@gmail.com

Для цитирования: *Тюпа В.И.* Бахтин и нарратология // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 120–133.

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.07

Valerii I. Tyupa
© Tyupa V.I., 2021

BAKHTIN AND NARRATOLOGY

Abstract. This paper is devoted to clarifying the importance of Bakhtin's intellectual heritage for narratology, as noted by Paul Ricoeur. In particular, the following are considered: Bakhtin's interpretations of event and consciousness in relation to the modern understanding of narrativity as the formation and retranslation of event experience, as well as Bakhtin's position on the dual eventfulness of narrative; Bakhtin's concept of authorship ("primary" and "secondary" authors) in relation to the modern axiom of dissociation of the figures of author and narrator; later Bakhtin's "metalinguistics" in relation to modern research into the verbalization of narrative. The significance of Bakhtin's theory of the deed for understanding the category of narrative ethos is noted. The relevance of Bakhtin's contribution to historical poetics for the realization of the innovative project of historical narratology is emphasized.

Keywords: narrative; event; author; narrator; narrative verbalization; narrative ethos; historical narratology.

Received: 20.08.2021

Accepted: 12.09.2021

Information about the author: Valerii I. Tyupa, DSc in Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Miuskaya Square., 6, 125993, Moscow, Russia.

E-mail: v.tyupa@gmail.com

For citation: Tyupa, V.I. "Bakhtin and Narratology". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 120–133. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.07

М.М. Бахтин не пользовался привычными нам терминами «нарратив», «нарратор», «нарратология», однако нарратологическая проблематика была ему далеко не безразлична. В 1920-е годы он ценил незамеченный в России и до сих пор не переведенный на русский язык неокантианский труд Кете Фридеман «Роль повествователя в эпике» (1910), исторически явившийся отправной точкой нарратологического подхода к литературе. А в начале 1970-х годов Бахтин заинтересовался рецензией начинающего немецкого нарратолога Вольфа Шмида на «Поэтику композиции» Б.А. Успенского (1970) и откликнулся на эту рецензию. Более того, в 1973 г. Бахтин дописывает к своей работе 1930-х годов «Формы

времени и хронотопа в романе» раздел «Заключительные замечания». Эти замечания носят по большей части нарратологический характер и воспринимаются как отклик на опубликованное годом ранее классическое исследование Жерара Женетта «Повествовательный дискурс» [6].

Современная нарратология намного шире теории литературного повествования, из «пеленок» которой она выросла. Далеко ушла она и от проекта универсальной «грамматики рассказывания», выдвинутого французскими структуралистами. В наше время нарратология является междисциплинарным расширением литературоведения за пределы своей автономии. Теперь это сфера общегуманитарного познания, направленного на когнитивные механизмы и разномедиальные (не только вербальные) возможности *формирования и ретрансляции событийного опыта*. Подобная антропологическая широта была бы, вне всякого сомнения, весьма созвучна Бахтину.

Обратившись в середине 1980-х годов к философскому осмыслению нарративных практик формирования и распространения событийного опыта, Поль Рикёр заявил в труде «Время и рассказ», что следовал «урокам Бахтина». Эти уроки принципиально значимы и для современной нарратологии в целом, они усвоены ею и вошли в состав ее концептуального ядра. Значимость бахтинской мысли особо ощущается в трех кругах нарратологических интересов: проблематика события и событийности; соотносительность фигур автора и нарратора (у Бахтина – «первичного» и «вторичного» авторов); металингвистическое воззрение на природу нарративного слова.

В «Заключительных замечаниях» 1973 г. отчетливо сформулирована *двоjakособытийная* природа нарративного дискурса, осуществляющего единство референтной и коммуникативной событийности. Напомню это общеизвестное рассуждение, в известном смысле лежащее в основании современной нарратологии:

«Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как

произведение в его событийной полноте [...] Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [1, с. 403–404].

Такое сопряжение неслиянных и нераздельных аспектов единого высказывания характеризует нарратив точнее, чем заданная Цветаном Тодоровым и развитая Женеттом дихотомия «история» – «дискурс» (в узком значении речевой упорядоченности текста). В основе этой дихотомии наследие русских формалистов, которые разграничивали «фабулу» (инертный жизненный материал, якобы существующий до «приемов» рассказывания) и «сюжет» как совокупность таких приемов. Развивая эту дихотомию, Женетт определял «историю» как «последовательность событий, реальных или вымышленных, которые составляют объект данного дискурса» [6, с. 63]. Далее Женетт прямо говорит, что «без повествовательного акта [...] иногда нет и повествовательного содержания» [там же], допуская, что «реальное» событийное содержание в принципе возможно и вне акта наррации.

Бахтинское понимание нарративной событийности такой возможности не предполагает, поскольку Бахтин еще в 1920-е годы категории «фабулы» и «сюжета» трактовал иначе, чем формалисты: как взаимодополнительные стороны нарративного целого. В приведенном выше рассуждении 1973 г. это эксплицировано со всей очевидностью. Такому пониманию отвечает современная трактовка нарративной «истории», например, Вольфом Шмидом, определяющим «историю» как «результат смыслопорождающего отбора элементов из происшествий, превращающего бесконечность происшествий в ограниченную, значимую формацию» [10, с. 154]. Иначе говоря, рассказанная история – это референтная функция дискурса рассказывания, продукт нарративного акта, а не материал для него. Более того, современная нарратология – после Рикёра – по-бахтински снимает формалистическую антиномию категорией *интриги*. В понятиях «сюжета» и «фабулы» потребность отпадает.

Бахтин трактовал событие этимологически: как со-бытие, взаимодействие, встречу двух реальностей [4, с. 29, 85, 99, 106 и др.]. При этом по крайней мере одна из этих реальностей – ре-

альность человеческого сознания¹. «С появлением сознания в мире [...], – писал он, – событие бытия [...] становится совершенно другим, потому что на сцену земного бытия выходит новое и главное действующее лицо события – свидетель и судия» [2, с. 396]. Бахтинское событие *интенционально*, его событийный статус зависит от ценностной направленности сознания, которая «не может изменить бытие, так сказать, материально [...] она может изменить только *смысл* бытия [...] Истина, правда присущи не самому бытию, а только бытию познанному и изреченному» [2, с. 396–397].

Событийность – подобно истинности – не является «натуральным» качеством происходящего вокруг нас, это особый (нарративный) способ отношения человеческого сознания к бытию – альтернативный процессуальности и ритуальности. Событие в таком ракурсе представляет собой нарративный *статус* некоторого отрезка жизни в нашем опыте. Ибо без нарративной (фрактальной) оформленности со стороны сознания ни о каких событиях невозможно помыслить, созерцая континуальный поток происходящего вокруг нас.

Принципиально важно, что бахтинская событийность, несмотря на ее зависимость от сознания, не субъективна, но *интерсубъективна*. Она определяется нарративной интенцией «свидетеля и судии», кем выступает повествующий субъект (нарратор), который интригой своего рассказывания возбуждает, инспирирует рецептивную интенцию адресата. Внимание к рецептивной стороне наррации обращает новейшую нарратологию к риторической категории *этоса*. Западная нарратология уже заинтересовалась данной категорией [11]. Согласно глубокому замечанию Рикёра, «не бывает этически нейтральных повествований», поскольку «предвосхищение этических соображений включено в саму структуру акта повествования» [8, с. 144]. Это отсылает нас к мысли молодого Бахтина о том, что в творческом результате эстетической деятельности (произведении) всегда может быть «транскрибирован» ее «этический момент».

¹ «Точка встречи предмета и сознания», которая «стояла в центре внимания» Бахтина, блестящим комментатором бахтинских текстов Л.А. Гоготышвили справедливо мыслилась как «один из наиболее значимых» аспектов современной нарратологии [5, с. 261].

Интерсубъективность нарративного дискурса не игра субъективностей, это один из важнейших онтологических механизмов культуры: нарративные практики представляют собой социокультурный инструмент формирования и ретрансляции *событийного опыта* человеческого присутствия в мире, где постоянно случаются сингулярные, непредсказуемые, необратимые (т.е. событийные) изменения. Параллельно в культуре функционирует противоположный механизм *прецедентного* человеческого опыта – опыта процессуальности природного бытия и ритуальности человеческого поведения. В свете этой дихотомии современную нарратологию следует определить как науку о событийном опыте человечества.

Бахтинская концепция художественного авторства в основном сформировалась в его ранней философской работе «Автор и герой в эстетической деятельности». В заметках 1950–1970-х годов он остается верен своему исходному воззрению на фигуру автора как эстетического субъекта художественной целостности произведения. Так, в «Проблеме текста» (1959–1960) он утверждает, что литература является искусством «непрямого говорения» [2, с. 289]. Здесь «первичный автор облекается в *молчание*. Но это молчание может принимать различные формы выражения» [2, с. 353]. Такой автор вполне идентичен «имплицитному» автору современной нарратологии, особенно «абстрактному» автору Вольфа Шмида. Ибо конкретный человеческий субъект («сам я», по выражению Бахтина) может быть «только персонажем, но не первичным автором» [2, с. 354].

При этом Бахтин акцентировал специфику художественной нарративности, для которой принципиальна не столько фикциональность повествуемого мира, сколько неотожждественность автора и нарратора: если автор «выступает с прямым словом», то он «превращается в публициста, моралиста, ученого и т.п.» [2, с. 353]. Рассуждая по-бахтински, «первичный автор» «Бедной Лизы» Карамзина поистине является «антропоморфной ипостасью [...], олицетворением интенциональности произведения» [10, с. 57], тогда как нарратор «Истории государства Российского» – это биографически-конкретное лицо: Николай Михайлович Карамзин. Смысл первого текста, согласно бахтинским лекциям, определяется внутренней коллизией природы и культуры, тогда как смысл второго

раскрывается карамзинской «запиской “Старая и новая Россия”, поданной Александру I» [3, с. 413].

Для современной нарратологии диссоциация инстанций автора и нарратора является одной из ее базовых аксиом.

Следует, однако, иметь в виду, что при отсутствии в его время разработанного нарратологического тезауруса Бахтин не всегда употреблял слово «автор» в соответствии с собственной концепцией. В период написания книги о Достоевском – в отличие как от ранней эстетической работы, так и от поздних теоретических заметок – он часто именовал автором нарратора, т.е. на языке Бахтина так называемого вторичного автора. Выявляя известного рода независимость «кругозора» героя от кругозора такого (вторичного) автора, Бахтин фактически исследовал «фокализацию» нарративов Достоевского, предвзяв направленность нарратологических исканий Женетта. Что же касается автора первичного (субъекта эстетической деятельности, а не наррации), то его позиционирование у Достоевского вполне отвечало практике классического реализма XIX столетия. То, что Бахтин именовал «полифонией», представляет собой сформировавшуюся в творчестве Достоевского инновационную нарративную стратегию, но пока еще классического художественного письма. Обещанный Бахтиным «кризис авторства» разразился лишь в XX столетии.

Особого внимания заслуживает бахтинская *металингвистика* с ее акцентом на коммуникативной функциональности слова. Она явилась своеобразным развитием и преломлением классической риторики. Как справедливо отмечает Рената Лахманн, интеллектуальные искания Бахтина тесно связаны с риторической традицией [7].

Слово «металингвистика» впервые появляется в работе «Проблема текста» (1959–1960), хотя уже «Проблема речевых жанров» (1952–1953) была целиком посвящена металингвистической проблематике. Данный термин был позаимствован Бахтиным из западного научного обихода. В 1952 г. Бенджамин Уорф опубликовал «Сборник статей по металингвистике» (учтен Бахтиным в его рабочей библиографии 1950-х годов). Наполнив термин Уорфа собственными научными интенциями, Бахтин использовал его для обозначения «не оформившегося еще в определенные отдельные

дисциплины² изучения» таких открытых им явлений *вербализации* нарративных структур, как «романное разноречие» (*гетероглоссия* современной нарратологии), система «голосов» (соотносительная с системой «кругозоров», т.е. с фокализацией), «двуголосое слово» несобственно-прямой речи и вообще – «диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания» [2, с. 293].

О металингвистике Бахтин задумался в 1960-е годы, однако уже в 1929 г. на материале романов Достоевского он ставит одну из ключевых нарратологических проблем – проблему вербальной презентации наррации: «слово героя и слово рассказа» в их соотносительности и взаимодействии. Одновременно в соавторской – назовем это так – с В.Н. Волошиновым книге «Марксизм и философия языка» (1929) выдвигается столь продуктивное для современной нарратологии понятие «несобственно-прямой» речи. При переработке своей книги о Достоевском Бахтин противопоставляет металингвистику и лингвистику, которые «изучают одно и то же конкретное, очень сложное и многогранное явление – слово, но изучают его с разных сторон и под разными углами зрения. Они должны дополнять друг друга, но не смешиваться» [4, с. 203].

Актуальный для современной нарратологии термин *гетероглоссия* возник как английский перевод Гэри Морсоном и Кэрил Эмерсон бахтинского неологизма «разноречие» [17]. В 1930-е годы в работе «Слово в романе» Бахтин исследовал гетероглоссию романного нарратива, которая состоит в том, что «социальный человек», будучи «человеком говорящим», имеет дело не с языком в качестве абстрактной регулятивной нормы, не с кодом, а со множеством дискурсивных практик, в совокупности составляющих динамичную вербальную культуру данного общества: «Исторически реален язык как разноречивое становление, кишашее будущими и бывшими языками, отмирающими чопорными языковыми аристократами, языковыми парвеню, бесчисленными претендентами в языки, более или менее удачливыми, с большей или меньшей шириной социального охвата, с той или иной идеологической сферой применения» [1, с. 168–169]. В основании этой социокультурной динамики Бахтин усматривал металингвистический

² Одной из таких дисциплин по праву считается как раз нарратология.

феномен внутренне диалогических отношений: «На территории почти каждого высказывания происходит напряженное взаимодействие и борьба своего и чужого слова, процесс их размежевания или их диалогического взаимоосвещения» [1, с. 166–167].

Для современной нарратологии явления гетероглоссии актуальны постольку, поскольку в большинстве своем, говоря словами Вольфа Шмида, «повествовательный текст слагается из двух текстов, текста нарратора и текста персонажей» [10, с. 188]. Бахтина таит в себе эвристические импульсы дальнейшего развития нарратологии, в частности, в направлении еще одного риторического понятия – о *логосе* наррации.

Однако основной урок бахтинского наследия для современной нарратологии видится мне в том, что свою теорию романного жанра Бахтин строил как *историческую поэтику* романа (о чем, в частности, гласит подзаголовок очерка «Формы времени и хронотопа в романе»).

Западная нарратология, многим обязанная русской формальной школе, практически не знает исторической поэтики. Относительно недавно мне довелось участвовать в публикации первой на немецком языке ознакомительной коллективной монографии «Русская школа исторической поэтики» [15]. На английском и французском языках аналогичных изданий, насколько мне известно, не существует. Отчасти по этой причине, как мне представляется, разработка диахронического аспекта современной нарратологии находится в зародышевом состоянии и представлена пока еще лишь двумя книгами: на немецком [12] и русском [9] языках. Между тем Моника Флудерник имела веские основания говорить о «глубине пренебрежения диахронным подходом, преобладающего в нарратологии» [13, с. 334], а прозвучавший в 2003 г. ее призыв совершить «прорыв» в «захватывающе новую область исследований» [13, с. 332] долгое время не получал достойного отклика. Попытку Ирен де Йонг продвинуться в этом направлении [14] следует признать довольно робкой и неубедительной. В настоящее время только еще редактируется будущее «пилотное» коллективное издание *Handbook of Diachronic Narratology* (при участии российских нарратологов), задуманное Вольфом Шмидом, знающим и ценящим российскую научную традицию.

Для реализации полноценного исторического подхода («диахроническая нарратология» представляет собой всего лишь половинчатое решение) необходимо сосредоточиться на базовых нарратологических категориях, особенно нарративных стратегиях [16], рассматривая их в стадийной динамике; выявляя, как это обычно делал Бахтин, зародышевые состояния исследуемых феноменов. Следует обратиться к изучению нарративных «протоформ», о которых напоминала в своем докладе на последней Бахтинской конференции Кэрил Эмерсон.

Наиболее актуальная перспектива нарратологической науки на сегодняшний день состоит в переходе от чисто теоретической, я бы даже сказал, схоластической, нарратологии к нарратологии исторической – нарратологии «большого времени». На этом пути значимость бахтинского интеллектуального наследия неизбежно будет возрастать.

Порой возобновляется бесперспективный спор о Бахтине: русский ли он мыслитель, или западный? На самом деле – всечеловеческий. Предметом бахтинской мысли был «процесс становления культуры человечества» [2, с. 333]. Таких мыслителей не очень много. Ближе всех к Бахтину в этом отношении, на мой взгляд, Тейяр де Шарден. Христианский мыслитель, который в своем научно-философском дискурсе («Феномен человека») не прибегал к богословию. Богословскими аргументами можно объяснить очень многое, но такие аргументы остаются в пределах богословия и будут вняты только узкому кругу людей. А Бахтин, как и Тейяр, думали для всех – без размежевания по национальностям и конфессиям. Общий знаменатель их интеллектуальных поисков – весьма сходное понимание природы сознания. Здесь видится одна из перспективных тем бахтиноведения: Бахтин и Тейяр.

Один из коллег-бахтиноведов признался на конференции, что Бахтин для него очень разный в разных текстах. На самом деле это мы очень разные, а Бахтин поразительно един. Не годится уподоблять Бахтина Ролану Барту (увы, это иногда делали даже такие профессионально достойные люди, как Георгий Косиков). Барт настаивал на том, что в каждой новой своей книге он абсолютно свободен от того, что им было сказано или написано ранее. Это позиция свободы, не обремененной ответственностью. Бахтинское «не-алиби в бытии» Барту было чуждо.

Бахтин же в начальный период своего философствования мыслил человеческую жизнь как непрерывную траекторию поступков, как единое и ответственное «поступление»: не только каждым делом или жестом, но и надеянием, не только словом, но и всякой своею мыслью. Событие каждой индивидуальной жизни с ее «незаместимым» местом в мире мыслилось как своего рода «сверхпоступок». И у нас нет никаких оснований уличать Бахтина в том, будто бы он так рассуждал только «по молодости». В частности, в конце жизни он не исключал и себя из некоего «мы», которое, в его понимании, тоже несет ответственность за сталинские 1930-е годы.

Кстати, бахтинской диалектике поступка как единичного (фрактального) жизненного шага, но не отделимого от единой и единственной траектории личностного присутствия в мире, принципиально созвучно современное понимание актов наррации как «разрывания» континуальности жизненных процессов на эпизоды и «связывания» образующихся эпизодов в событийные цепи (рассказываемые «истории»).

Бахтин при всем многообразии его интеллектуальных проявлений духовно как раз монолитен. Он олицетворяет собой громадный духовный потенциал, оказавшийся в катастрофических жизненных обстоятельствах, в которых не имел возможности реализоваться в достаточной мере. Этот потенциал приоткрылся перед нами всего лишь несколькими яркими гранями, которые не просто собрать воедино. Если Бахтин кажется слишком «разным», то это потому, что мы прилагаем к нему свои разнообразные готовые объяснительные модели, стереотипы, матрицы, понимаем его «объектно», а не так, как он сам мыслил истинное постижение «другого».

Бахтин для многих поистине очень «другой», малопонятный, и это не удивительно. Кто бы из нас спокойно пережил утрату одного из главных своих трудов? Я имею в виду предание о том, как собственную рукопись книги по истории романного жанра автор в годы войны вынужден был пустить на самокрутки. Для многих из нас такое могло бы стать источником неугасимого отчаяния. Бахтин же произнес по данному поводу своим молодым паломникам из Москвы: «главное ведь, что она была написана». Это не случайно напоминает фразы: «Рукописи не горят», «Вашу

рукопись прочли». В романе Булгакова аспект реальности, где подобное возможно, именуется «пятым измерением» – внехронологическим измерением вечности. В «Докторе Живаго» Пастернак тоже осваивал это измерение. Бахтин поистине *человек пятого измерения*. Только мыслитель, которому оно открылось, мог в конце жизни спокойно рассуждать: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [2, с. 373].

Я не хочу сказать, что Бахтин для нас непостижим. В.Л. Махлин в своем открывшем конференцию эмоциональном выступлении, на мой взгляд, слишком сгустил пессимистические краски. Постмодернистская провокация Коровашко, весьма точно интерпретированная в докладе Кэрил Эмерсон, репрезентативна скорее в психологическом отношении. Всегда имеется некоторая категория людей (небахтинской складки), для которых нестерпима чужая гениальность или хотя бы популярность. Типовой «феномен Коровашко» принадлежит исключительно «малому времени» и обречен на безответное равнодушие последующих поколений. Тогда как бахтинские смыслы прочно укоренены в «большом времени» мировой культуры, а потому приносят и будут приносить дальше свои духовные плоды.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. 799 с.
4. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 799 с.
5. *Гоготшивили Л.А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 716 с.
6. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // *Женетт Ж.* Фигуры. Т. 2. / пер. с франц. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1998. С. 60–280.
7. *Лахманн Р.* Риторика и диалогичность в мышлении Бахтина // Риторика. № 1 (3). М., 1996.
8. *Рикёр П.* Я-сам как другой. М.: Изд. гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

9. Тюна В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
11. Altes L. Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction. University of Nebraska Press, 2014. 344 p.
12. Contzen E. von, Tilg S. (Hg.) Handbuch Historische Narratologie. Freiburg: J.B. Metzler Verlag, 2019. 337 p.
13. Fludernik M. The Diachronization of Narratology // Narrative. 2003. Vol. 11. No. 3. P. 331–348.
14. Jong I. de. Diachronic Narratology (The Example of Ancient Greek Narrative) // Handbook of Narratology. 2nd ed. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. Vol. 1. P. 115–122.
15. Kemper D., Tjupa V., Taškenov S. (Hg.) Die russische Schule der Historische Poetik. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 2013. 286 p.
16. Tjupa V. Narrative Strategies // Handbook of Narratology. 2nd ed. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. Vol. 2. P. 564–574.
17. The dialogic imagination : four essays / by M.M. Bakhtin ; ed. by Michael Holquist ; transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981. 444 p.

References

1. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [*Questions of Literature and Aesthetics*]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The Aesthetics of Word Creation*]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [v 6 (7) t.] [*Collected Works : in 6 (7) vols*]. Vol. 2. Moscow: Russkie Slovarei Publ., 2000. 799 p. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [v 6 (7) t.] [*Collected Works : in 6 (7) vols*]. Vol. 6. Moscow: Russkie Slovarei Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 799 p. (In Russ.)
5. Gogotishvili, L.A. *Nepryamoye govoreniye* [*Indirect Speaking*]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 716 p. (In Russ.)
6. Zhenett, Zh. “Povestvovatel’nyy diskurs” [“Narrative discourse”]. *Figury* [*Figures*]. Vol. 2. / transl. from French. Moscow: Izd. im. Sabashnikovyykh Publ., 1998, pp. 60–280. (In Russ.)
7. Lakhmann, R. “Ritorika i dialogichnost’ v myshlenii Bakhtina” [“Rhetoric and dialogicality in Bakhtin’s thinking”]. *Ritorika*, no. 1 (3). Moscow, 1996. (In Russ.)

8. Riker, P. *Ya-sam kak drugoy [I am like the other]*. Moscow: Izd. gumanitarnoy literatury Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)
9. Туупа, V.I. *Gorizonty istoricheskoy narratologii [Horizons of Historical Narratology]*. St Petersburg: Aleteyya Publ., 2021. 270 p. (In Russ.)
10. Schmid, V. *Narratologiya [Narratology]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
11. Altes, L. *Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction*. University of Nebraska Press, 2014. 344 p. (In English)
12. Contzen, E. von, Tilg, S. (Hg.) *Handbuch Historische Narratologie*. Freiburg: J.B. Metzler Verlag, 2019. 337 p. (In German)
13. Fludernik, M. "The Diachronization of Narratology". *Narrative*, vol. 11, no. 3, 2003, pp. 331–348. (In English)
14. Jong, I. de. "Diachronic Narratology (The Example of Ancient Greek Narrative)". *Handbook of Narratology*. 2nd ed. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014, vol. 1, pp. 115–122. (In English)
15. Kemper, D., Tjupa, V., Taškenov, S. (Hg.) *Die russische Schule der Historische Poetik*. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 2013. 286 p. (In German)
16. Tjupa, V. "Narrative Strategies". *Handbook of Narratology*. 2nd ed. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014, vol. 2, pp. 564–574. (In English)
17. *The dialogic imagination : four essays / by M.M. Bakhtin ; ed. by Michael Holquist ; transl. by Caryl Emerson and Michael Holquist*. Austin: University of Texas Press, 1981. 444 p. (In English)